

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ

НАТАЛИИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

БЕДНЫЙ БОБИК

СОЛНЦЕ НА АНТРЕСОЛЯХ

КУДА УЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ

ЛАСТОЧКА

МАРИМБА!

НАРИСУЙ МНЕ В НЕБЕ СОЛНЦЕ

ПОХОЖАЯ НА ЧЕЛОВЕКА И УДИВИТЕЛЬНАЯ

СИНДРОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО ЁЖИКА

СТРАСТИ ПО МИТРОФАНУ

ТАНЦУЮЩАЯ НА ВЕТРУ

УЧИЛКА

ЧИСТАЯ РЕЧКА

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

ТАНЦУЮЩАЯ
НА ВЕТРУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Все события и персонажи этого романа вымышлены,
любые совпадения случайны

Иллюстрация на обложке — *Виктория Лебедева*

Терентьева, Наталия.

Т35 Танцующая на ветру : [роман] / Наталия Терентьева. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Нарисуй мне в небе солнце).

ISBN 978-5-17-113851-6

Любовь и нелюбовь, одиночество и обман, соблазны, искушения, вопросы, на которые нет ответа, ответы, которые невозможно принять, — этим наполнена жизнь семнадцатилетней девушки, выросшей в детдоме и пытающейся отстоять себя и свое право быть счастливой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113851-6

© Н.М. Терентьева, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Мы, русские порядочные люди, питаем пристрастие к этим вопросам, остающимся без разрешения.

А.П. Чехов. О любви

Я сбегала по ступенькам, на ходу застегивая пальто. Конец января, глубокая зима, снег, ветер, белая пелена, солнца нет уже неделю... И вдруг с утра запели птицы, и понимаешь — всё, время неумолимо пошло на весну. Скорей бы... Что-то ведь наверняка изменится весной, то, что никак не удастся изменить сейчас.

У дома, разумеется, стояла машина Виктора Сергеевича. Не отвыкну никак называть его по отчеству. Не хочу, наверное, отвыкать, сама ставлю между нами грань. Боюсь переступить ее. Или не хочу.

Соседки по общежитию, девочки в училище, которые видят, как он иногда привозит или встречает меня, совсем по-другому понимают наши отношения. Объяснять — смысла нет — не поверят или просто не поймут.

— Выспалась? — улыбнулся Виктор Сергеевич самой хорошей своей улыбкой.

Улыбка у него на самом деле хорошая, искренняя, теплая.

Почему вот только мне от нее не становится тепло? Почему, почему... Так много ответов, на которые я сама себе не могу ответить.

— Нет, — покачала я головой, садясь в машину. — Доброе утро.

— Привет, — он поцеловал меня в щеку.

Как кто? Как друг? Как старший брат? Как учитель по танцам? Бывший, я ведь не успеваю теперь к нему на занятия. Потому что мне нужно хорошо учиться и подрабатывать. Это

удается совмещать, но на танцы времени не остается, хотя мне и не хватает наших танцевальных занятий, на которые я ходила столько лет, пока жила в детдоме.

Виктор Сергеевич много раз предлагал мне помощь. И я себя очень странно чувствую, если соглашаюсь. Пару раз я взяла продукты. Один раз не смогла отказаться от шарфа и шапки, которые обнаружила у себя в сумке — он подложил их туда. Потом пришлось согласиться на новые сапоги — когда пришли холода, а я не накопила на теплую обувь.

Самое трудное в моем положении сейчас — это полное отсутствие денег. Иногда я в отчаянии останавливаюсь и думаю — вот зачем я придумала себе это высшее образование, к которому мне предстоит такой далекий, такой сложный путь. И я еще только в самом начале пути... И тогда я вспоминаю маму, ее глаза, ее голос, вспоминаю обещания, которые я давала самой себе... Трудно иногда сдержать слово, данное себе. А кому мне его давать? Не Виктору Сергеевичу же.

— Почему не выпалась? — Он заботливо поправил мой шарф. Как... старший брат. Да, мне так легче думать. Потому что иначе я думать не хочу. — Занималась?

— Лена, соседка, не спала, ходила, шумела, включала свет, приставала с разговорами...

— Руся... — Виктор Сергеевич положил одну руку мне на колено и тут же ее снял. Спасибо трактору-снегоуборщику, который неторопливо выехал с боковой улицы и перегородил там путь. Виктору Сергеевичу пришлось объезжать его по встречной полосе.

Я тем временем незаметно отодвинулась к двери. Да, конечно, я целовалась с ним в танцевальном зале. Два года назад. И... мой тренер мне очень нравился. Нравится ли сейчас? Не знаю. Как будто внутри меня живут два разных человека. Это, наверно, как раз те люди, которые дают друг другу слово. Один смотрит на Виктора Сергеевича с удовольствием, разглядывает его губы, щеки, подбородок... Как-то волнуется от его прикосновений... А другой — сухой и прагматичный, говорит: «Нет уж, я отлично знаю все уловки Виктора Сергеевича, я отлично помню, как рыдала Вульфа, моя училка по рисованию, когда он ее бросил и полюбил кого-то еще. То ли меня и еще одну девушку, то ли одну меня...»

А я слушаю разговоры этих разных людей у себя в голове и принимаю среднее решение. Ни то, ни это. Иногда необхо-

димось постоянных компромиссов приводит меня в уныние. На компромиссы приходится идти постоянно, каждый день. Или это закон нашего мира, один из самых главных, который почему-то никто не объясняет тебе? Или нам не объяснял, тем, кто рос не дома, не с родителями.

— Отец не звонил? — спросил Виктор Сергеевич. — Ни разу?

Я покачала головой. Все равно мне с моим биологическим отцом разговаривать не о чем. Пока я была маленькой, он приезжал два раза в детский дом и несколько раз звонил. Один раз даже прислал к Новому году посылку с конфетами и... телефоном. Телефон этот у меня давно украли, выхватили в электричке, когда я однажды решила съездить в Москву к маме на кладбище.

Но теперь... Да я и сама не стала бы с ним ни о чем разговаривать, потому что сейчас я понимаю, что он сделал. Если бы не он, я бы вернулась в нашу с мамой квартиру в восемнадцать лет, до которых мне осталось совсем немного. Но папа нашел способ и перевел эту квартиру на себя. И продал ее. Не знаю, как ему это удалось — то ли он подделал какие-то документы, то ли договорился как-то с опекой. Я решила, что, когда немного встану на ноги, хотя бы достигну совершеннолетия, я попробую вступить с ним в неравный бой, правил которого я не знаю. А пока, кроме безнадежности и растерянности, у меня этот вопрос не вызывает ничего.

Мне сейчас есть где временно жить. Как и всем нашим, мне дали комнату в общежитии. Это здорово и поначалу было очень непривычно — у меня почти своя комната, в сравнении с детским домом, где в комнате было двенадцать человек. Комната на двоих, прошлогодняя моя соседка уехала из города за каким-то парнем, у нынешней соседки Лены неплохой характер, она умеренно пьет, (в общежитии некоторые начинают пить неумеренно), удивительное дело — не курит! — и, самое главное, не водит парней. Просто парня у нее пока нет. И у нас в комнате нет ни гулянок, ни свиданий. А в других комнатах всего этого в избытке.

Я легко переношу ее полуночный режим и неумные разговоры. На занятия Лена ходит нерегулярно, на первые пары — практически никогда, ложится поздно, а все наши разговоры в основном сводятся к тому, что будет, когда Лена выйдет замуж за сына какого-нибудь олигарха или, лучше, за самого олигарха. Потому что молодых жен любят и балуют гораздо

больше. Где Лена может встретиться с олигархом, мы с ней вместе придумываем каждый раз (на самом деле гипотетических мест много!). И вот она мечтает об этом с утра до вечера и расписывает свою будущую жизнь, полную усад и развлечений. Ведь мечты в принципе можно жить.

Лена не из детского дома. В нашем общежитии — в основном те, кто учится в педагогическом училище и просто далеко живут. Лена раз или два в месяц ездит на выходные домой, за четыреста километров, и, приехав, рассказывает мне о своей семье, где, кроме нее, еще двое мальчиков, ее братьев, мать и новый мамин муж, узбек Яша, которого на самом деле зовут Якуп. И Ленины братья с утра до вечера сражаются с этим Яшей, чтобы выжить его из дома. Одному брату при этом шесть лет, другому одиннадцать. Поэтому победить Яшу они пока не могут.

— Я встречу тебя после учебы? — полуутвердительно спросил Виктор Сергеевич, видя, что я задумалась.

Я покачала головой:

— Нет.

— Почему?

Иногда Виктору Сергеевичу надоедает роль терпеливого старшего товарища, у которого нет никаких прав на меня. И он начинает настойчиво придвигаться, придвигаться...

— Хочу прогуляться после занятий. А потом у меня работа.

Виктор Сергеевич вздохнул:

— Понятно. Всеми способами хочешь утвердиться в своей независимости от меня?

— Да нет. Просто надо же мне чем-то зарабатывать.

— Я могу давать тебе денег.

— Нет.

— Почему, Руся?

Я посмотрела на Виктора Сергеевича и отвернулась. Не могу я это объяснить даже самой себе. Нет, и все.

Летом я нашла себе неожиданную работу. Я помогла с сумками одной женщине, которая набрала слишком много и никак не могла спустить тележку на колесиках с лестницы магазина. Разговорилась с ней, она оказалась работницей соцслужбы. На работу меня туда не взяли, но я стала убираться у одной пожилой пары. Когда-то они работали в городском театре, женщина была актрисой, а ее муж заведовал монтажно-ремонтным цехом, отвечал за декорации. Живут они небогато,

но им помогает сын. Дом их на окраине города. Убирать свой старый и достаточно большой дом им тяжело, и поэтому они обрадовались, когда работница соцслужбы привела им меня.

Не могу сказать, что эта работа мне очень нравится. Убраться в доме полностью просто невозможно. Есть слишком запущенные места, есть совсем старые вещи, рассыпающиеся стулья и отваливающиеся дверцы шкафов, кое-где отходят обои, которыми, к сожалению, обклеены деревянные стены дома. Кому-то когда-то показалось, что так будет уютнее. И вообще, мне уборка не приносит большого удовлетворения. Даже наоборот. Я понимаю, что эта работа бессмысленна, монотонна и почти бесполезна. Пыль тут же садится обратно, старые пятна не оттираются. Но «мои старики», как кто-то быстренько окрестил их в моей собственной голове, очень довольны. Они тоже иногда зовут меня внученькой, всегда поят чаем, пытаются накормить поплотнее, жалеют...

Мне не только не нужна жалость, она мне в тягость. Но я вижу, как им хочется сделать что-то для меня хорошее, подкормить, подарить какую-нибудь старую вещицу или шоколадку, и я им подыгрываю — иногда. А иногда — ставлю барьер, не поддаюсь на их теплые уговоры, уберусь и уйду, молча. Они переживают, вздыхают, смотрят мне вслед, оба, из окна, стоят рядышком и смотрят. Это трогательно и... совершенно мне не нужно.

Как-то я стала жестче, сама замечаю. Просто жизнь моя изменилась. Столько всего непонятого, сложного. Я стараюсь хорошо учиться и очень устаю. Есть какие-то не решаемые вопросы. Например, мне не хватает одежды. Заработать на нее я пока не могу. При выпуске из детского дома мне отдали только мою внесезонную куртку, которую можно носить и осенью, и зимой, сапоги, брюки и свитер. Все. Так положено. У нас же нет своих вещей. И еще дали пять тысяч рублей на покупки. Я купила красивую блузку, чтобы ходить в училище, сапоги и туфли. И деньги закончились. Поэтому я постоянно думаю, как мне заработать. То, что я получаю за уборку, я трачу на еду, но этого совершенно не хватает. В месяц нам платят пять тысяч рублей — всем детдомовцам, пока мы учимся. Но эти деньги расходятся как-то очень быстро. Я сначала не знала, что нужно покупать, чтобы приготовить, к примеру, суп. Или потушить мясо. Поэтому покупала уже готовую еду — колбасу, сыр. И проела все свои деньги за две недели. Теперь я научи-

лась готовить и пытаюсь планировать и рассчитывать. Меня это невероятно угнетает, но иначе не проживешь.

— Я все-таки встречу тебя. Не нравится мне твое состояние. Ты отдаляешься и отдаляешься от меня, — сказал Виктор Сергеевич. — Не хочешь ехать — прогуляемся. У меня как раз до вечернего занятия будет время.

Я посмотрела на своего бывшего тренера. Отчего-то мне так легко было представить, как он говорит мне, слегка улыбаясь и отводя глаза: «Прости, я занят... Я как-нибудь позвоню... обязательно...» Он мне так никогда не говорил, даже рядом ничего подобного не было. Почему? Потому что я никогда не открывалась ему до конца. Во всех смыслах.

Нет, никогда я ему не поверю. Я ведь и теперь не знаю, с кем он кроме меня встречается. А поверить, что он, как наивный мальчик, влюбился в меня и терпеливо добивается моего расположения, мне трудно. Ходит, сопит и страдает, ожидая, когда же, наконец, я вырасту и полностью расположусь к нему... Очень сомневаюсь.

Тем более что у меня есть еще один «мальчик», который тоже добивается, без устали, вот уже который год, только не терпеливо, а глупо, настойчиво, со скандалами, демаршами и всякими прочими закидонами.

— Как Паша, кстати? — спросил Виктор Сергеевич, словно уловив мою мысль.

Как странно. Это бывает очень часто. Не успею я подумать о своем бывшем тренере, как на экране монитора появляется значок его сообщения. Размышляю о чем-то о своем, а он каким-то удивительным образом улавливает ход моих мыслей.

Сейчас я даже вздрогнула. Как он может так залезать мне в голову? С помощью чего? Он настраивается на «мою волну»? А что такое «моя волна»? Я чего-то не знаю сама о себе, а Виктор Сергеевич знает?

— Паша — плохо, как всегда. Вы же знаете. Это норма.

— Руся... — Мой милый тренер потянулся ко мне — то ли, чтобы поцеловать в щеку (уже не первый раз сегодня), то ли чтобы заглянуть в глаза. И я не знаю, что опаснее.

— Мне пора идти, — остановила я Виктора Сергеевича. — Я опоздаю. А Тетёрка терпеть не может, когда кто-то опаздывает. Заставляет петь.

— Петь? — засмеялся Виктор Сергеевич, быстро заглушил мотор и вышел вместе со мной. — Петь... А станцевать

не пойдет? Ты когда вообще на занятия придешь? У меня ваша группа официально до восемнадцати лет, солистки так и нет... Ты ушла, никем не заменишь...

Я кивнула и чуть убыстрила шаг. Вот зачем ему надо доводить меня до дверей? Чтобы все видели, что я — его девушка? Что за собственнические настроения? Он еще и попытался взять меня за плечо. Наверно, со мной что-то случилось. Мне все меньше и меньше нравятся его ненавязчивые, но постоянные попытки как-то ненароком сблизиться со мной.

Девчонки, курившие под вывеской «Педагогическое училище», стали хихикать и крутиться, как только увидели Виктора Сергеевича. Я тоже, когда вижу его со стороны, когда он настойчиво не пытается завладеть моим плечом, локтем, ладонью, не смотрит в глаза, сама удивляюсь — насколько же он хорош. Чуть выше среднего роста, самую малость, чтобы быть приятно рослым, но не слишком высоким, крепкий, изящный одновременно — танцор же, и на лицо необыкновенно мил. Все правильно в лице, чуть-чуть большеваты уши, не совсем идеальны брови, но это его не портит, иначе лицо было бы конфетно-кукольно-сладким. А так — просто заглядеться. Вроде как...

— Пока! — чуть обиженно сказал Виктор Сергеевич и махнул мне рукой.

Этот жест можно было понимать по-разному. Можно как обычное «До встречи!», а можно — «Ну, хватит уже выпендриваться!». Если честно, я до конца не хочу расставаться с ним. У меня вообще нет причин расставаться с ним. Меня устраивает, когда все так, как сейчас. А его, кажется, — нет.

Я видела, как все до единой девчонки проводили его глазами. Слышала их подтексты в обычном «Привет, как дела?». Они думают, что им понятно, как у меня дела. Пока меня привозит вот этот взрослый симпатичный дядька, молодой и гладкий, дела у меня хорошо. Я пожалала плечами, ответила всем и никому в частности: «Привет!» — и побыстрее прошла вовнутрь, пока и вправду не начались занятия. Мне везет на учительниц, которые выцепляют меня из общей массы и начинают привязываться. Каждая по-своему.

Вульфа когда-то умирала от ревности к Виктору Сергеевичу, дралась и набрасывалась на меня; мою классную Серафиму, в общем хорошую и даже добрую тетку, шатало туда-сюда от любви до ненависти ко мне. А вот нынешняя куратор нашей группы, ведущая у нас профильный предмет «русская

литература», Тетёрка, Тетерина Людмила Петровна, крепкая пятидесятилетняя женщина пятидесятого размера, приглядывалась ко мне целый год, относилась довольно нейтрально, а в этом году вдруг сосредоточила на мне весь свой интерес.

Сначала я думала, что она была обрадована результатами первых двух сессий — я сдала все предметы на пятерки и не просто сдала, а с легкостью, еще и получила грант губернатора за лучший очерк о нашем крае. Я сделала его и в литературном виде, и еще сняла на телефон, подправила в компьютере с помощью новейшего видеоредактора... Получила грант — девятьсот рублей. Пока мне их не заплатили, но все об этом знают.

Спасибо Виктору Сергеевичу, благодаря которому у меня хороший телефон, не очень дорогой, но с отличной камерой, ноутбук, который страшно оставлять в комнате общежития, поэтому поначалу я каждый день относила его в комнату коменданта (и тот раскладывал на нем пасьянс), и специальный видеоредактор. Вот именно эта зависимость от Виктора Сергеевича и его милостей меня угнетает. Можно было бы отказаться от всего этого, но я дала слабинку и не отказалась.

Забота о моем моральном уровне плавно перешла по наследству от Серафимы к Тетёрке. Правда, теперь мне уже не четырнадцать, а почти семнадцать лет, и так уж волноваться не приходится. Я, скорей всего, единственная в нашей группе, кто еще может похвастаться (если есть перед кем...) тем, что о близости с мужчиной я знаю только понаслышке и особенно пока не стремлюсь к практическим знаниям.

Я сама себя спрашиваю — вот что, я такая черствая, рациональная, бездушная и не могу никого полюбить? Ответа не знаю. Наверное, да. Но поскольку я Виктора Сергеевича не люблю, я сблизиться с ним не хочу. Это удивительная петля. Если бы он обо мне не заботился, если бы со всех сторон на меня не смотрели вещи, подаренные им, некоторые — силком, я бы, может быть, не устояла перед его желанием переступить черту нежной романтической дружбы. А то, что желание есть, сомневаться не приходится. Просто он упирается в стенку. И поэтому все время подходит к какой-то черте и отступает. Потом еще поближе подходит... И опять отступает.

Я влетела в аудиторию в ту самую минуту, когда Тетёрка сказала:

— Ну-с... Кто у нас так долго спит... И где... И с кем...

Понятно, что это вообще не ее дело. Наша личная жизнь никак не касается куратора — мы ведь уже вполне взрослые люди. Но в глаза ей никто этого не говорит. Не потому, что ее бояться, а просто потому, что у нас подобрались удивительно нескандальные девочки в группе. Может, если бы кто хоть раз ей ответил, она бы такими присказками с нами не разговаривала. Я тоже молчу, потому что вообще не люблю конфликтов.

После занятия, тянувшегося неимоверно долго и скучно, Тетёрка подозвала меня к себе.

— Ты с ним спишь? — с ходу спросила она меня. — Я понимаю, тебе ведь не с кем поделиться. Ты ж сирота.

Я молча взглянула на Тетёрку. Рыжие взбитые волосы, крашенные-перекрашенные, она постоянно меняет цвет, тяжелый подбородок, немигающий взгляд... Наверно, когда-то она, как и моя мама, любила русскую литературу, поэтому стала ее преподавать. А русская литература учит духовности, учит, отбрасывая и не замечая грязи вокруг, искать светлое. Как найти в Тетёрке светлое? Ну точно не спрашивать в ответ, с кем спит она. С мужем, который работает в Москве и приезжает на выходные, и то не всегда. Она сама часто сетовала на это. Или с физруком, которого она часто зовет «чинить» компьютер, когда у него отошел зарядный провод, и тот не включается. Если так спросить, то Тетёрка вцепится в меня зубами, я — в нее, и мы, как две бешеные собаки, будем, сцепившись, крутиться на одном месте, стараясь укусить друг друга побольнее.

Я придумала себе хороший способ. Если надо слушать гадости и не слышать их — про меня ли, про других, вообще про жизнь, я начинаю читать какие-то строчки в голове. Пушкина, например. К летнему экзамену я много учила наизусть, и очень легко и просто отвечать мысленно его словами, волшебными и вечными. «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье...», или «Я вас любил безмолвно, безнадежно...», или «Я знал красавиц недоступных, холодных, чистых, как зима...». Как будто открываешь дверь в какой-то удивительный мир, в другое пространство, которое вот оно, рядом, рукой не потрогать, но мыслями и душой можно перенестись туда.

Сейчас я смотрела на Тетёрку, а в моей голове потекли строчки: «Но Таня, точно как во сне, Их речи слышит без участия, не понимает ничего, И тайну сердца своего, заветный клад и слез и счастья, Хранит безмолвно между тем И им не делится ни с кем».

— Брусникина! — попыталась одернуть меня Тетёрка. — Я тебе говорю! Ты что, стоишь, спишь на ходу? По ночам спать надо, а не...

Она еще что-то сказала, неприличное, почти такое, как говорят наши девочки, задыхаясь в клубах дыма, забившись в общежитии в угол, называемый «торчком». Курить у нас в помещении нельзя, но все всё равно курят, пропитываясь насквозь вонючим едким дымом, и сплетничают или же делятся своими переживаниями. В нашем общежитии хватает всякого, потому что и девочки, и мальчики есть разные, кто-то сваливается с катушек очень быстро, начинает пить, употреблять наркотики, их отчисляют, как правило, никто не хочет возиться с ними. Но я стараюсь в это не вникать, с ними по возможности не пересекаться и об их проблемах не разговаривать. Наверное, это трусость и бегство. Но я никак не могу изменить их сущность, больную, несчастную. По крайней мере, сейчас я не вижу никакого выхода. И мне становится пусто и страшно, поэтому я прячусь, закрываюсь и блокирую все входы и выходы в свою душу с помощью строчек Пушкина или Есенина, или Блока. Не всегда это помогает. Но сейчас помогло.

Тетёрка поговорила-поговорила еще, да и отпустила меня.

— Какая-то ты... нездоровая, — сказала она мне напоследок. — Все девочки как девочки — нормальные. Живые. А ты — как мертвая. Ты вообще что-нибудь чувствуешь?

Я подняла на нее глаза. Да, чувствую. Конкретно сейчас мне было просто жалко Тетёрку, потому что она, как большая, глупая, растерянная девочка, стояла сейчас передо мной, широко расставив крепкие ноги, яркая жирная помада ее размазалась, на бок сбился большой пунцовый бант на платье... Жалко, потому что она плохо выглядела, явно плохо себя чувствовала, всеми ногами завязнув в своем собственном тухлом болотце. И оттуда что-то кричала, кричала мне... Но если бы я ответила хоть слово, то увязла бы вместе с ней. И потом долго бы отмывалась от этой болотной жижи и плесени. Поэтому я промолчала.

— Какая, а... Ну точно, нездоровая! — изо всех сил отмахнулась от меня Тетёрка. — Просто идет от тебя какая-то... черная сила!.. Точно! Ты ведьма, да? Ну-ка покажи, у тебя глаза разные, да? Разные? Один фиолетовый, другой зеленый? Или нет... черные!.. Так я и знала.

Я пожала плечами. Повернулась и ушла. Глаза у меня совершенно обычные, темно-серые, кажутся то светлее, то тем-

нее в зависимости от освещения и одежды. Какая же глупая Тетёрка! А ведь она читала те же самые книги, что и я. Учила те же стихи. Да мало того, она всю жизнь преподаёт русскую литературу. Формально, ничего не сообщая, что она говорит изо дня в день. Вот сегодня темой занятия был «Гуманизм Достоевского». Что бы сказал Достоевский, если бы услышал наш с ней разговор? Схватился бы за перо, и стала бы Тетёрка каким-нибудь второстепенным персонажем. А я? Каким бы персонажем я была у Достоевского? Хотя ведь у него не было однозначно положительных персонажей. Он сомневался, искал ответы, и они тоже сомневались во всем... Пока я не знаю, как буду преподавать литературу. Но у меня есть еще впереди несколько лет. Два с половиной года в училище и, я очень надеюсь, пять лет в институте. Ведь я поступлю в институт, в самый лучший — в МГУ, на бюджет. Всё сделаю для этого.

После занятий я немного задержалась, долго одевалась, думала, как ответить на Пашино сообщение «Привет!». Если написать в ответ «Привет», он начнет набиваться на встречу. Говорить с Пашей категорически не о чем. Когда он был младше, то мог просто таскаться за мной хвостом. Стоял всегда рядом, смеялся, в школе садился сзади, в столовой — так, чтобы видеть меня и чтобы я могла видеть все его активные выступления, шутки, легкие драки.

Потом Паша попросился и стал прятаться в подсобке, где хранились шампуни, мыло, порошки, с Дашкой Алёхиной, узнал вкус интимных радостей и... начал приставать ко мне уже активно. Страдать, настаивать... Все его мысли и желания сосредотачивались в одной точке — затащить меня в подсобку, где в плохую погоду наши устраивали свою личную жизнь, или в лес, окружавший наш детский дом, и куда парочки уходили в теплое время.

Паша был уверен, как и практически все, что я встречаюсь с Виктором Сергеевичем, разубедить его было невозможно — иначе люди не хотели понимать нашей дружбы. Мне стоило больших усилий отстоять себя в середине девятого класса. Но мне это удалось. Это была моя победа над силами зла — так я сама определила тогда это для себя. Не первая, но огромная. Отец Андрей советует мне всегда жалеть своих врагов... Но жалеть можно врагов поверженных. А если жалеть врагов, которые идут на тебя с огнем, желая уничтожить, ненавидя,